

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/904 (477.7) : 903.7

К ДИСКУССИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АРХАИЧЕСКОГО КУЛЬТА АХИЛЛА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Владимир Лазаренко

Ижевский государственный технический университет
Российская Федерация, 426069, Удмуртская республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7
E-mail: lazvgr@yandex.ru

Вопрос происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье, во многом уникального, так и не решён. Как известно, о генезисе культа Ахилла в Северном Причерноморье в научном сообществе в течение почти двухсот лет существуют два противоположных мнения: об автохтонном происхождении (или влиянии) и милетском (греческом) импорте. Последнее кажется преобладающим, но лишь благодаря числу публикаций и категоричности выводов, в чём особенно выделяются А.С. Русяева и С.Б. Буйских, заслуги которых в *археологическом* исследовании архаических памятников культа Ахилла в Нижнем Побужье бесспорны и заслуживают безусловного уважения. Однако, их интерпретация памятников, связанных с Ахиллом, особенно – Бейкушского святилища, на мой взгляд, нуждается в подробном критическом рассмотрении, как и, естественно, всесторонний анализ другой точки зрения. При этом, важнейшим является анализ самого раннего этапа, т.е. самого появления культа Ахилла в Северном Причерноморье, поскольку дальнейшее его развитие здесь греками сомнений не вызывает.

Особо следует отметить важность привлечения данных лингвистики и других наук. Ведь речь, в случае культа Ахилла, идёт не просто о наличии или отсутствии каких-то материальных свидетельств, а о мощном идеологическом феномене, обсуждать который просто невозможно без многостороннего учёта характера мировоз-

зрения древнего населения (а не только греков) Северного Причерноморья. Известно же, что данный регион задолго до колонизации отличался яркими и протяжёнными на тысячелетия культурными феноменами.

Сторонники чисто греческого происхождения культа Ахилла руководствуются довольно простой логикой: если Ольвийский полис (а именно здесь рассматриваемый культ получил особое развитие в течение едва ли не тысячелетия) основали выходцы из Милета, то они и принесли почитание Ахилла в данный регион. В.В. Латышев считал, что уже первые поселенцы принесли с собой на западные и северные берега Понта культ Ахилла [34]. И.И. Толстой, имея в виду культ Ахилла на Левке, склонялся к тому же [75, с. II, 10-11]. Дж. Хирст, рассмотрев свидетельства Алкея, Геродота, Арктина Милетского и Еврипида, констатировала: «Мифическая связь Ахилла с Эвксином – чисто греческого происхождения и может быть прослежена со значительной долей вероятности до Милета, до самого раннего периода милетских предприятий на Чёрном море, и что она ничем не была обязана варварским обитателям морского побережья» [81, с. 82]. Однако, уровень аргументации здесь явно недостаточен, особенно в связи с известной сомнительностью свидетельства Арктина Милетского, сохранившегося лишь в более позднем пересказе Прокла [19, с. 74-75 примеч. 44-45]. Н.А. Лейпунская лишь допускает, что

«Первые греческие мореплаватели на Понте могли связать свою страну Блаженных с Левкой, поселили туда Ахилла, его дружину и связанных с ним героев» [35, с. 72]. Н. Эрхадт говорит о культе Ахилла, как принесённом на Левку милетскими колонистами [94, с. 179-180].

Выделяется позиция А.А. Курбатова, который считает, что обожествление Ахилла произошло во второй половине VIII в. до н.э. в Фессалии, откуда его культ быстро распространился в другие регионы Эллады, в т.ч. и на Левке, благодаря ионийским мореплавателям; при этом уверенно полагая, что главным центром культа Ахилла на Понте Эвксинском уже в VIII в. до н.э. был остров Левке [28, с. 81]. А.С. Русяева указывает [74, с. 463], что последнее мнение А.А. Курбатов высказал вслед за Л.Р. Фарнеллом, однако данный автор в указанном ею фрагменте говорит не о VIII в. до н.э., а о том, что имя и культ Ахилла «появились здесь, конечно, в начале пост-гомеровского периода открытия и колонизации греками Черного моря», но далее подвергает большому сомнению сам факт архаического культа Ахилла в Фессалии [98, с. 286-287]. Ещё более категоричен Л.С. Клейн: «В самой Фессалии культ Ахилл не отмечен» [22, с. 339]. Отмечу, к слову, что мнение о широком распространении культа Ахилла в архаической Греции вообще недостаточно обосновано.

Мнение о милетском импорте культа Ахилла в Северное Причерноморье вызывает закономерный вопрос, который, кстати, до сих пор так не нашёл ответа – почему в остальных 30 милетских колониях (включая совместные), основанных в VII-VI вв. до н.э. [21, с. 193-195; 80, с. 689-691] данный культ практически не отмечен (кроме, возможно, Тире [92])? А.С. Русяева, видимо, в связи с этим сделала допущение: «Вполне вероятно, что некоторые сельские жители с периферии Милета переселялись целой общиной и основывали отдельные поселения. Примером такой общины является Бейкушское поселение, где богом-покровителем был Ахилл, культ которого, наверное, происходил из метрополии» [68, с. 11], а также «Возможно, на [Бейкушском] мысу посе-

лилась какая-то родственная по языку, культуре и религии группа переселенцев из местности, где почитался Ахилл... К сожалению, у нас отсутствуют данные, подтверждающие это предположение» [69, с. 136]. Но, даже если такая группа или целый род колонистов существовали, то они должны были обладать огромным религиозным авторитетом, что не подтверждается.

А.С. Русяева утверждает, без рассмотрения античных данных, что «в Милете существовал Героон Ахилла с посвящённым ему источником», а также, ссылаясь лишь на Арктина Милетского: «Культе Ахилла первоначально был учреждён милетскими колонистами, благодаря большой популярности в их среде поэмы "Илиада"» [66, с. 174-175; 73, с. 70]. И, пытаясь усилить свою позицию, привлекает мнение Х. Хоммеля [82, с. 63-64], которому якобы «удалось установить, что учреждение нового культа [Ахилла] на о-ве Левка осуществлено милетцами в процессе колонизации Северного Причерноморья; и это подтверждается целым рядом географических названий в округе Милета, связанных с именем Ахилла и топонимом Левка» [70, с. 43]. С.Б. Буйских, ссылаясь на Павсания (III. 20, 21; VI. 23), утверждает: «Известно, что культ Ахилла, Фетиды и nereид был в Ионии широко распространён» [6, с. 40]. Ранее практически те же ссылки на Павсания (III. 20, 8-9; VI. 23,3) приводила также А.С. Русяева [66, с. 175]. Но, на самом деле в этих фрагментах говорится вовсе не об Ионии, а о почитании Ахилла в Спарте (III. 20); в главе III. 21 об Ахилле вообще нет упоминаний [55, с. 265-268]; в тексте VI. 23,3 сообщается о кенотафе Ахилла в Элиде [56, с. 130].

Х. Хоммель считает «надёжными отправными точками» не древних авторов, а Э. Мейера и Э. Роде (Ed. Meyer II, s. 452 сл. Rohde II, s. 371, примеч. 2) [82, с. 60]. Однако, в данном тексте Э. Роде, без ссылок на античные источники, говорится не более, чем: «Вероятно, милетские моряки были на черноморском острове Ахилла (культ Ахилла был в Ольвии и в самом Милете)» [102, с. 371 примеч. 2]. Что же касается «надёжности» Э. Мейера в дан-

ном вопросе, то в его капитальном труде историю Греции [101] излагает другой автор, причём история народов северного побережья Чёрного моря рассматривается только мимоходом [60, с. 312-313]. Сохранился лишь один-единственный античный источник о возможном культе Ахилла в Милете, фрагмент из книги Афиней «Пир софистов» [97, с. 30]: «Аристокл Кассандрейский пишет, что в Милете есть источник, называемый Ахилловым, текущая вода которого очень пресная, стоячая же солоная. Милетяне рассказывают, что Ахилл омылся в нём после убийства царя лелегов Трамбела» (Athen. II, 43d). О героине Ахилла в Милете здесь нет и речи! Как же тогда быть с совершенно верным указанием А.С. Русяевой, что «исходной точкой религиозного почитания героев, которое в ранний период имело замкнутый характер, была могила – ἡρώων или гробница?» [70, с. 43]. Но сторонников милетского происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье всё это, очевидно, не смущает уже почти полтора столетия.

Ещё В. Рошер, критикуя, как умозрительное, мнение, высказанное впервые Г. Кёлером [99, с. 533], о местной подоснове культа Ахилла в Северном Причерноморье, указал с двумя ссылками (Tzetzes zu Lycophr. 467; Parth. Erot. 26): «Этот ритуал, кажется, вышел из Милета, где в более поздние времена был источник, названный в его честь» [103, кол. 58 внизу]. Позднее Л.Р. Фарнелл «объяснил» появление культа Ахилла в Северном Причерноморье, который принесли выходцы из Милета, основываясь на более, чем неясной легенде, которая якобы повествует о взятии Ахиллом Милета, отмечая при этом: «Теперь, к несчастью, записи умалчивают о каких-либо фактах культа Ахилла в самом Милете. Но у нас есть один ценный намек, представленный нам – Tzetzes ad Lycophr. 467, что Милет был захвачен Ахиллом» [98, с. 286]. Г. Хёдрен справедливо указывает, что «данная теория, однако, сталкивается с трудностями, и среди них тот факт, что не существует никаких доказательств культа Ахилла в Милете или любой области милетской колонизации вне Северного Причерноморья» и подчёр-

кивает, что «у Афиней (II, 43d) есть упоминание об источнике Ахилла в Милете, но не о его культе» [95, с. 322]. Добавлю, что в «ценном намёке», упомянутом не только Л.Р. Фарнеллом, но и В. Рошером, т.е. в приведённой ими схолии (Schol. in Lycophr. 467 – scholia vetera et recentiora partim Isaac et Joannis Tzetzae) к Ликофрону (который, кстати, лишь вскользь упомянул имя некоего Трамбела – строка 468 в русском переводе [36]), говорится вовсе не об источнике и, тем более – не о героине Ахилла в Милете, а только о том, что «Трамбел – милетский герой, приходился Ахиллу двоюродным братом; он чтился также на Лесбосе». Парфений же в указанном В. Рошером фрагменте (26, 3-4) повествует даже не о Милете, а об убийстве Ахиллом Трамбела на Лесбосе, после чего «Ахилл очень опечалился и воздвиг на берегу высокий курган, который до сих пор называется герооном Трамбела» [57].

Как могли уважаемые исследователи принять героон Трамбела на Лесбосе за героон Ахилла в Милете, где они нашли в Ионии «целый ряд географических названий, которые указывают не только на Ахилла, но и на Левку» и как установили, что «знакомство с традиционным культом было, само собою, общим для всех малоазийских ионян», останется, очевидно, вечной загадкой. Следует констатировать, что сторонники милетского происхождения культа Ахилла, тем более – в архаическом периоде, не имеют для этого сколь-нибудь достаточных оснований. Видимо, поэтому А.С. Русяева позже говорит уже о влиянии на милетских колонистов Сигейского святилища Ахилла [74, с. 53-54], вторя произвольному утверждению Дж. Хукера: «Мы нашли убедительные доказательства о передаче культа Ахилла из Эолиды (где расположен и мыс Сигей в Троаде – В.Л.) к берегам Чёрного моря; было бы естественно связать эту передачу с ионийской колонизацией, начиная с VII в. до н.э.» [96, с. 2]. Совершенно не выдерживает критики главная сентенция А.С. Русяевой: «Как раз то, что милетяне первыми начали осваивать побережья Понта и в их среде синхронно была придумана легенда о перенесении Ахилла на пон-

тийский остров Левке, и является главным доказательством учреждения его культа образованными переселенцами из Милета. Отсюда вытекает сила творческой фантазии поэтов» [74, с. 46, 48]. Совершенно неясно, каким образом «переселенцы из сельской местности» чудесным образом превратились в «образованных переселенцев». Причём обладающих такими творческими способностями и духовной силой, что они смогли синхронно с переселением не только создать новые «древнейшие, письменно засвидетельствованные понтийские мифы» об Ахилле, но и повлиять на творчество таких действительно духовных авторитетов, как Пиндар и Еврипид.

Несмотря на недостаточную убедительность своих доводов, до последнего времени А.С. Русяева продолжала настаивать: «Пора рассмотреть разноречивые и не аргументированные источниками выводы и гипотезы некоторых учёных», сетуя на то, что «до сих пор возрождаются разноречивые и не аргументированные источниками выводы и гипотезы некоторых учёных о местном и синкретическом (варварско-эллиническом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье» [64, с. 128-129], позволив себе указать причину настоятельности рассмотрения: «Вследствие неадекватного отношения... приверженцев варварского или эллино-варварского (то есть синкретического) происхождения этого культа, из которых никто никогда (? – В.Л.) специально не занимался его всесторонним изучением» [74, с. 460, 466]. Хотя А.С. Русяева утверждает, что исследователи, сомневающиеся в его «чисто греческом происхождении» представляет собой лишь «некоторое исключение» [64, с. 128-129; 66, с. 176], это далеко не так.

Вскоре после Г. Кёлера, на возможность местной основы культа Ахилла в Северном Причерноморье указал А.С. Уваров, считая, что уже в начале колонизации «милетяне, чтобы умилостивить местное божество, т.е. Ахилла, властителя земли, на которой они поселились, выстроили в честь его храм, который стоял на месте перового их поселения, т.е. в акрополе» [79, с. 51]. М.И. Ростовцев отметил: «Огромное значение имело бы проследить за тем, как от-

дельные мифы, чуждые в своей основе новой далёкой стране, выросшие совершенно на другой почве, перекочёвывают на берега Чёрного моря, сплетаются здесь с местными верованиями и культурами <...> [И.И. Толстой] не сказал нам ничего, чем был культ Ахилла в его до-ионийском виде... Мне представляется как крупный дефект резко отрицательное отношение автора к возможным и вероятным наслоениям греческих мифов на местные культы и религиозные представления», имея в виду культ фракийского божества [63, с. 178, 180-181].

Т.В. Блаватская также говорила о фракийской связи культа Ахилла [2, с. 231]. В.Д. Блаватский сделал очень важные заключения: «Очень рано хотя бы отдельные религиозные представления автохтонного населения Северного Понта могли проникать в эллинское мировоззрение (разумеется, получив соответствующую переработку). Однако в этом явлении не было отказа от национальных эллинских принципов; не было и какой-либо специальной черты, специально присущей северопонтийским грекам. <...> Происхождение культа Ахилла Понтарха вряд ли может быть связано с пантеоном кочевых скифов, он, возможно, восходит к киммерийцам. ... Нужно думать, что его культ был распространён и среди прибрежных варваров, во всяком случае, каллипидов в устье Днепра и синдо-меотов на Таманском полуострове. <...> Греки бережно сохраняли заветы, перенесённые из метрополии, но им пришлось жить в чужой стране, находившейся, по их представлениям, в ведении местных божеств, с которыми греки не могли не считаться» [3, с. 16, 18-19, 22].

М.Ф. Болтенко, говоря о причинах значительного и «непонятного» распространения культа Ахилла в Северо-Западном Причерноморье, пришёл к выводу: «Здесь имело место отождествление греческого героя с первично чуждым для него местным владыкой морской стихии» [4, с. 19-20]. Н.В. Пятышева, в контексте культа Ахилла, также допускала возможность существования божества «культ которого был распространён в Северном и Западном Причерноморье задолго до появления

здесь греков» [61]. И.Ю. Шауб полагает, что архаический Ахилл греков-колонистов «встретился» здесь с местным божеством, имевшим схожие черты [87]. Мнение о местных корнях культа Ахилла было поддержано и рядом зарубежных учёных [93; 104]. Более того, видя, очевидно, крайнюю зыбкость доводов в пользу исконного культа Ахилла в Милете, Ф. Линдиш (возможно первым, причём практически одновременно с противоположным мнением В. Рошера) допустил возможность попадания культа Ахилла в Милет из Ольвии [100, с. 45], на что определённо указал также Ф. Билябель [90, с. 97].

Важно следующее – до VII в. до н.э. в Нижнем Побужье существовал очаг металлообработки, сложившийся ещё в эпоху поздней бронзы [14, с. 29]. Жилища земляночного и полужемляночного типа, столь распространённые на здесь на ранних греческих поселениях, восходят также к этому времени [24]. О значительном присутствии на данных поселениях варваров ярко свидетельствует лепная керамика, сходная с распространённой с VII в. до н.э. в степях Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья [14, с. 33]. Она найдена в большом количестве на греческих поселениях, в т.ч. где засвидетельствован культ Ахилла, в т.ч. на Большой Черноморке II и на Березани, причём, уже со второй половины VI в. до н.э. наблюдается резкое уменьшение такого рода посуды [45, с. 110]. Установлены четыре группы лепной посуды данных поселений: 1) посуда, находящая прямые аналогии среди материалов фракийских памятников Карпато-Дунайского бассейна; 2) керамика, аналогичная материалам лесостепной правобережной Украины и Поворскля – раннескифские памятники; 3) сосуды, сходные с керамикой степной зоны Северного Причерноморья – белозерского этапа срубной культуры; 4) кубки, имеющие параллели среди посуды второго периода кизилкобинской культуры в Крыму. По мнению К.К. Марченко, это свидетельствует о пребывании в ольвийской округе позднеархаического периода представителей различных варварских племён хинтерланда – выходцев из фракийского мира (на Бейкуше

обнаружено большое количество фракийского керамического материала), а также прямых потомков скотоводов и земледельцев эпохи поздней бронзы из степной зоны Северного Причерноморья, начиная ещё со второй половины VII в. до н.э. [45, с. 104-116; 46, с. 149]. На греческих поселениях Нижнем Поднестровья VI-V вв. до н.э. лепная посуда составляет (без учёта амфор) около 30% всей керамики, что свидетельствует о присутствии на поселениях, наряду с греками, представителей варварского мира; при этом оседлые фракийские племена были вторыми по значению (после скифов) компонентом варварского населения в Северо-Западном Причерноморье [53, с. 55, 57-58]. Показано, что землянки и полужемлянки античных северопричерноморских апоекій VI в. до н.э., включая и Нижнее Побужье, по большей части должны быть так или иначе связаны с жизнедеятельностью греческих колонистов с определённой долей присутствия среди них и выходцев из варварского хинтерланда [26]. Раннюю хору Ольвии вместе с греками населяли «скифы» Среднего Поднепровья и геты, а с начала VI в. здесь появляются обитатели северопонтийских степей [10, с. 391; 15, с. 75]. Анализ лепной керамики Ольвии и Березани убедительно показывает проникновения сюда фракийцев [27].

Но если это так, то невозможно категорически отрицать определённое влияние здесь местного населения на архаические религиозные отправления, в частности – на ранний культ Ахилла на Бейкуше. Тем более, что здесь обнаружено немало свидетельств этому. А.С. Русяева и С.Б. Буйских полагают, что детально исследованный ими «Бейкушский мыс с достаточным основанием можно отнести к кругу типично греческих святилищ времён Греческой колонизации», отмечая при этом: «В целом вещественный набор бейкушских жертвоприношений Ахиллу находится в полном соответствии с традиционным составом приношений адресатам героических и хтонических культов в архаической Греции» [6, с. 38, 40; 65, с. 221; 74, с. 473; 91, с. 87]. Однако, многие археологические находки на Бейкуше нередко прямо противоречат

категоричным выводам о «типично греческом святилище» и «традиционном составе приношений». В частности, с этим не согласуются: «мощное скопление костей животных, уложенных по кругу вдоль стенок ямы, и развалом серолощёного сосуда с прочерченной на горле буквой А в яме 7», «обработанную челюсть быка со следами охры и процарапанной буквой А в одном из углублений ямы 18», «яму 12, засыпанную чистой золой с небольшими прослойками песка, в заполнении которой найдены вотивный кружок с изображением, стрелы, человеческой фигурки и буквы А», «углубление 23, где среди золы, угольков и кусочков серы найдено граффито на обточенной стенке амфоры с посвящением Ахиллу» [5, с. 312], «яма № 68, золистое заполнение, которой включало костяной стригель, 2 астрагала, обломки железного копья, бронзовый наконечник стрелы с остатками древка, родонитовый брусок для заточки, 12 галек разного размера ...пращные камни, вотивный керамический кружок с А» [6, с. 35-36] и ряда других находок, среди которых многочисленные обломки железных ножей и кусочки серы, охры, мела [7, с. 99; 9, с. 33].

Одними из наиболее «негреческих» артефактов на Бейкуше обнаружение в одной из культовых ям костей принесённой в жертву собаки, хотя автор этого открытия С.Б. Буйских утверждает, что «палеозоологический материал (имея в виду «в основном, кости молодых особей овцы, козы, крупного рогатого скота и свиньи») в принципе также характерен для видового состава жертвенных животных при проведении обряда жертвоприношения в греческих святилищах» [6, с. 38]. На то, что «в традиционном, по словам Буйских, для греческих героических святилищ составе находок на Бейкуше присутствуют весьма «нетрадиционные» для греческой культовой традиции вещи, например: железные ножи, кусочки серы, охры, мела, наконечники стрел (и их изображение в граффити), обломки лепной посуды, а также наиболее удивительное – жертвоприношение собак, свойственное вообще варварским культам Северного Причерноморья», обратили внимание И.Ю. Шауб [86, с. 104-108, 167],

а затем А.А. Белоусов [1, с. 226]. С.Б. Буйских в последующем, продолжая настаивать: «Вещественный набор бейкушского поклонения Ахиллу находится в полном соответствии составу подношений адресатам героических и хтонических культов в архаической Греции», уже умолчал о «неудобных» для его концепции артефактах, особенно о жертвоприношениях здесь собак [7, с. 100].

В контексте важнейшей роли Северного Причерноморья в индоевропейских реалиях, решение вопроса о генезисе понтийского культа Ахилла требует выхода за рамки собственно греческого мира. Греки-колонисты пришли сюда не на пустое место – здесь гораздо ранее и до начала колонизации имели место многие культурные проявления, но главное – именно в Северном Причерноморье сформировалась индоевропейская общность и основы индоевропейского мировоззрения, определившего на многие века развитие ряда мировых центров цивилизации. Поэтому необходимо рассматривать именно в индоевропейском контексте одно из самых ранних сообщений об Ахилле, связанные с данным регионом – у Алкея он Ἀχιλλεύς ὁ γαῖος Σκυθῆκας μέδεις – «Владыка скифской земли» (Fr. 14D). Лингвистическая аргументация в работах О.Н. Трубочева, анализировавшего «нескифское в скифском», дала основание в рассматриваемом случае понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идёт о местностях, заселённых «старыми ариями», т.е. ариями (индоариями), оставшимися здесь после ухода их основной массы на восток в III тыс. до н.э. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму [78, с. 99-102]. Эти племена и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам. Определённое сходство на уровне индоевропейского единства ряда индоевропейских, в частности, скифских, и

греческих богов и культурных героев показано рядом учёных [16; 18, с. 29-37; 62, с. 184-186]. Но первым индоевропейский, причём – догреческий характер образа Ахилла, отметил В.Н. Топоров [77, с. 25-37]. Действительно, если мы говорим о реликтовых индоариях в Северном Причерноморье, то нельзя оставить без внимания безусловное сходство имени Ахилла с древнеиндийским *áhi* – «змея» и ведическим *Ahi-Budhniá* – «Змея глубин внизу Мирового дерева» [11, с. 489, 526], а также с личными именами других ведических божеств: *Áhi Vṛtrá*, «Змея дна и водных пучин»; *Áhi Çesa*, «мировой змея, поддерживающий землю»; *Áhi Valá*, «змея-похититель плодородия». На Бейкуше варварские элементы отправления культа Ахилла очевидны, но что гораздо более существенно, в плане понимания генезиса данного культа в Северном Причерноморье – связь Ахилла со змеями здесь отрицать невозможно. На многих граффити Бейкуша имеются изображения змей, нередко вместе с надписями А или АХИ [71, с. 22-29], что и определило, главным образом, уникальность данного святилища.

Однако, до настоящего времени остаётся без всестороннего исследования главное – **кроме Бейкуша, в других местах Северного Причерноморья (связь Ахилла со змеями на Левке весома не подтверждается), а также в собственно Греции и её других колониях культовая связь Ахилла со змеями отсутствует** – по крайней мере, их совместное изображение нигде более не отмечено [89, с. 82]. Это заставляет искать истоки высокой специфичности культа Ахилла на Бейкуше в туземной среде Северного Причерноморья. В.П. Яйленко очень глубоко в лингвистическом плане проанализировал связь здешнего культа Ахилла со змеями [89, с. 64-101] и сделал вывод о том, что у туземного индоарийского населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространён культ змей, связанный с Ахиллом. Однако, археологических свидетельств этому, кроме граффити Бейкуша, он не привёл. Но история культа змей в Северном Причерноморье очень давняя. Ещё со времени прихода сюда примерно 4800 лет

назад со стороны Балкан и Дуная, по данным ДНК-генеалогии, племён земледельцев – носителей гаплогруппы R1a1, будущих ариев [23, с. 540], здесь появляется культ змей, сначала связанный с культом Богини-Матери, широко распространённым на Балканах со времён неолита [12, с. 258-260; 13, с. 81]. Змеевидные орнаменты нередко представлены на женских глиняных статуэтках трипольской культуры, в т.ч. в Побужье [58, с. 25 (рис. 4-8), 26 (рис. 5-3), 42-43, 45-47, 56 (рис. 10), 58, 130-131]. Сюжеты с изображением змей на керамике, датируемые IV тысячелетием до н.э., распространились на восток и обнаружены на памятниках Кукутени и развитого Триполья в Молдавии и даже до Днепра, всё ещё будучи связанными с культом Богини-Матери; но в поздней фазе трипольской культуры изображения змей становятся схематичными и теряют связь с женским образом [17; 48]. Эти данные заставляют связать появление изображения змей в Северном Причерноморье с мигрирующими племенами носителей гаплогруппы R1a1, т.к. культура Кукутени-Триполья – наследница более ранних балкано-дунайских земледельческих культур.

В 1965 г. у с. Софиевка (Новобугский район Николаевской области) на горизонтальном скальном выходе у берега р. Ингул, притока Южного Буга были открыты петроглифы – большой четырёхметровый извивающийся змей, как бы выходящий из земли своей левой частью, и две маленькие змейки (далее – «Софиевский змей») [29, с. 1], в дальнейшем лишь кратко описанный [85]. Этот уникальный памятник затем не был детально исследован, а сооружение здесь водохранилища привело к его безвозвратной утрате. Но сохранились фото «Софиевского змея», только недавно опубликованные мной [32, фото 1-4]. Неподдалёку от «Софиевского змея» на том же берегу Ингула было также открыто [29, с. 9-11] крупное поселение Ново-Розановка II. Последующие раскопки показали наличие здесь четырёх культурных слоёв: неолит, среднестоговская культура, трипольская культура, поздняя бронза. Точнее, артефакты среднестоговской и трипольской культур находились буквально в

одном культурном слое [83]. Это свидетельствует о том, что здесь мирно сосуществовали (по данным ДНК-генеалогии) представители родов R1a1 (земледельческая трипольская культура) и R1b1 («курганники» по М. Гимбутас, т.е. кочевники-скотоводы [23, с. 671] – среднестоговская культура, точнее Средний Стог II), а «Софиевский змей» представлял, вероятно, объект культа, отправляемого в те времена [32].

На артефактах кочевников-скотоводов энеолита и ранней ямной культуры, насколько известно, отчётливые змеевидные изображения не обнаружены, поэтому поклонение «Софиевскому змею» следует, очевидно, отнести к представителям рода R1a1 (земледельческая трипольская культура). На сосудах ямной культуры в Северном Причерноморье лишь изредка фиксируется зигзагообразный орнамент [84, с. 42 (рис. ПА-2, ПБ-2, IVБ-3)], который может быть интерпретирован, как змеевидный. Однако в курганных захоронениях позднеямного времени (когда формирование индоевропейской общности практически завершилось) в Николаевской и Запорожской областях найдены керамические сосуды с орнаментальными изображениями уже явно змей [37, с. 56 (рис. 1), 57 (рис. 2)], встречаются они и на керамике катакомбного времени [47, с. 85, 131]. На Каменной Могиле в Запорожской области в гроте № 45 обнаружено весьма реалистичное скульптурное изображение головы змея, датируемое ямно-катакомбным временем [49]. Известны изделия торевтики северных фракийцев второй половины VI – середины V вв. до н.э. – навершия двух железных мечей и бронзовые навершия столбов с реалистичным изображением змей или со змеевидным орнаментом [50, с. 59 (рис. 5-4, 5-5, 5-15), 62-63]. Таким образом, имеется достаточно свидетельств культа змей в Северном Причерноморье, непрерывно от IV тысячелетия до н.э. до начала VI – середины V вв. до н.э. Змей здесь являлся не просто тотемом какого-то племени – слишком широко было распространение его изображений, хотя в катакомбное время они концентрируются в Нижнем Побужье и близко к нему.

На уровне формировавшейся в Северном Причерноморье индоевропейской общности лингвистически, т.е. при сравнительном анализе индоевропейских языков обнаруживается следующее. Змея выступает, как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания и отождествляясь с космогоническими Ночью Вселенной и Днём Вселенной. Более того, она считалась первопричиной мироздания, уравниваясь с Бездной, которая также была первопричиной Вселенной, являлась её символом, как и всего сущего в ней. Змея символизирует гармонию и порядок, а также землю и небо; по древним поверьям змея осуществляет разъединение и соединение неба и земли, в частности змея являлась символом «лестницы в небо», означающей божественное бытие и являясь олицетворением абсолютного божественного времени. В индоевропейских языках змея уравнивалась с Мировым деревом, осуществляя связь между мирами – ср. англ. snake «змея» и др.-инд. sneha «любовь» как «божественная связь трёх миров» [41, с. 175-179; 42, с. 49, 126-128, 151]. Змея также связывается с обновлением, переходом в новое состояние, новую жизнь через смерть и даже являлась символом Первоматерии [39, с. 138; 43, с. 213]. Весьма примечательно сходство ностратических слов kUΛ «змея» и kûla «озеро, водоём»; с ними сходно и kûlā «род, община, племя» (ср. и.-е. *kʷel – «род, семья») [20, с. 305, 308, 362].

Это может быть объяснено тем, что бог «низа» ещё неолитической религии, представлявшийся змеем, считался прародителем человечества. У индоевропейцев как имя бога неба (корневая основа *da или *de даёт в разных языках слова со значением «отец», «огонь», «земля»), так и его сущность генетически связываются с этнической раннеземледельческой средой и имеют своим первоисточником небесную ипостась подземного бога [13, с. 78, 224]. Но, как утверждает А. Голан: «Назвать его лишь Богом земли можно лишь с большой долей условности, имея в виду, что представлять землю – далеко не единственная его функция. Он, кроме того, представлял воображаемый подземный мир, воды «ни-

за» вселенной (реки, моря, океан), считался отцом мира, был владыкой огня, покровителем земледелия и ремёсел ...был хозяином загробного мира. <...> Преимущественно олицетворением обожествлённого властителя подземного мира служил змей, который охранял Мировое дерево. <...> Почитание змей племенами раннеземледельческих культур не могло быть обусловлено только земледельческим хозяйством, особенностями быта или какими-либо иными объективными факторами» [13, с. 78-79, 177, 189].

В индоевропейских языках отчётливо отмечается единство понятий «змея» и «предок» (в частности, «отец») [40, с. 124-129]. В связи с этим нельзя обойти вниманием ряд граффити Бейкуша с фаллическими изображениями [32], поскольку змея и фалл у древних часто ассоциировались. Предпочтение змее как образу мужского божества земных недр, могло быть основано на том, что змея казалась наглядным воплощением оплодотворяющих сил, поскольку напоминает мужской детородный орган [13, с. 79]. Слова со значением «змея» в индоевропейских языках могут иметь фаллическое значение. Змея выступает, с одной стороны, как символ плодородия, как женское начало, а с другой – как мужское оплодотворяющее начало (змея как соединение воды и огня); вообще змея считалась прародителем всего живого на земле и соотносилась с понятием «старый» [41, с. 177-179; 44, с. 233], что соотносится, очевидно, с представлениями о предках. Об этом же могут говорить не нашедшие должного объяснения фаллоидные стелы Северного Причерноморья времени сложения индоевропейской общности, тем более, что некоторые из них орнаментированы углубленными бороздками, которые напоминают змею [84, с. 30, 33 (рис. 7), 34].

Сочетание фалла и змеи явно говорит об утрате связи последней с культом Богини-Матери и формировании культа предка – культурного героя, вполне вероятно, обожествлённого. В.Н. Топоров, блестяще показавший догреческое происхождение образа Ахилла, указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глу-

бокие архаизмы, остатки космогонического «пред-Ахилла», подчеркнув его теснейшую связь с «первостихиями» творения – огнём и водой, а также роль как «посредника между Небом и Землёй»» [76, с. 70, 87]. Большинство посвящений Ахиллу на Бейкуше представлено весьма кратко: А или АХІ [65, с. 221; 72, с. 148], и в этой краткости видится вероятность данных посвящений не Ахиллу – античному герою или богу, но АХІ-Змею реликтовых ариев Северного Причерноморья, прообразу Ахилла, что отмечено мной ранее [30; 31].

Отмечу две знаковые находки на Бейкуше. Во-первых, верхнюю часть черепа быка с рогами под которой находился оббитый из стенки амфоры «кружок» с надписью АХІ на дне большая круглой ямы цилиндрической формы глубиной 2,8 м и диаметром 3,17 м, которая, очевидно, сразу же была засыпана, поскольку в заполнении затем была вырыта другая культовая яма [69, с. 136]. Об этой находке затем неоднократно упоминалось [6, с. 34; 25, с. 88], но без какой-либо интерпретации. Между тем, этот якобы «типично греческий» артефакт имеет ближайшие аналогии с трипольским культом – обычны случаи обнаружения статуэток Богини-Матери (иногда они имеют изображения змей) рядом с черепом быка, помещавшихся под полом; фигурка женщины и рога быка при этом могут служить своеобразной эмблемой трипольской культуры [58, с. 131-132]. В индоевропейской традиции змея и бык (корова) отождествлялись не только через понятие «верха», более того это понятие олицетворяло «Мировую Змею» и мировой разум [42, с. 86]. По своей мифопоэтической значимости бык уподоблялся змею; как и змея, бык уравнивался с Мировым деревом и символизировал ключевые точки мироздания – Верх, Бездну, Середину; бык, как и змея, уравнивался также с огнём [38, с. 295; 44, с. 212]. Поэтому смысл обработанной челюсти быка со следами охры и процарапанной буквой А [5, с. 312], принесённой в жертву и обнаруженной на дне ямы № 12 Бейкушского святилища следует, на наш взгляд, понимать, как и предыдущую находку, в контексте единст-

ва образов быка и АХІ-Змея ещё в индоевропейской общности, тем более, что традиция окрашивания охрой уходит в ямно-катакомбное время.

Очевидно, что в древней символике змей отразился процесс формирования в Северном Причерноморье арийского мировоззрения, в основе которого – дуализм всего сущего, состоящего из неких первоэлементов, и трёхчастное строение мира [33]. Поэтому, объяснять связь Ахилла со змеями на Бейкуше лишь особенностями героического культа [73, с. 71], конечно верно, но совершенно недостаточно в контексте рассмотренных выше индоевропейских реалий. Гомеровский образ Ахилла, царствующего над мертвыми в земле киммерийской, представляется отражением памяти о предыстории Северного Причерноморья, где образ пра-Ахилла – Змея сложился ещё во время формирования индоевропейской общности. Очевидно, что не «милетцы возвысили Ахилла до бога», как полагал ещё У. Виламовиц-Мелендорф, а милетцы, зная лишь гомеровского героя Ахилла, столкнулись здесь с гораздо более важным и древним местным божеством – АХІ-Змеем.

Итоги изучения мифологических истоков героических образов ряда индоевропейских народов К. Туит формулирует так: «Их индийские, ирландские и осетинские двойники - отчетливо представляют собой индоевропейскую переработку материала, присутствующего в одном образе, который я назвал Прото-Ахилл» [105, с. 340]. Безусловно, прав И.Ю. Шауб: «Что касается удивительного своеобразия причерноморской мифологии и культа Ахилла, то оно явно было обусловлено не только воскрешением архаических пластов образа этого бога, но и несомненным влиянием на этот образ местной варварской среды» [86, с. 197-198]. Это влияние, видимо, было обусловлено не только тем, что греки-колонисты оказались в мощной идеологической среде, сформировавшейся ещё в ямно-катакомбный период, но и сходством их языка с языком реликтовых ариев Северного Причерноморья – именно здесь лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков, имеющих значительное

сходство грамматического строя и обширную общую лексику, к началу II тысячелетия до н.э. [59, с. 234; 88, с. 189], т.е. после распада индоевропейской общности и начала миграций протогреков на юго-запад, а ариев – на восток и юг. Это время катакомбной культуры. Скучные остатки фракийского языка всё же позволяют видеть, что это был индоевропейский язык [88, с. 475].

С.Б. Буйских считает: «Теперь надёжно установлено, что время существования всех основных памятников поселений Березанского лимана (Викторовка-I, Каборга-I, Большая Черноморка-II, Бейкуш) имеют здесь единую точку отсчёта – первую четверть VI в. до н.э.» [8, с. 53-55]. При этом, именно в самых ранних слоях, на самом дне порой очень глубоких (до 2,8 м) ритуальных ям найдены артефакты, определяющие уникальность характера почитания Ахилла на Бейкуше, в т.ч. с граффити, относящимся к посвящениям Ахиллу [5, с. 312; 6, с. 34-35]. Поэтому заполнение некоторых наиболее ранних объектов логично отнести не ко второй четверти VI в. до н.э. (как сначала считал С.Б. Буйских [6, с. 38]), а к его первой четверти. Это принципиально важно, поскольку подобные краткие граффити с посвящениями Ахиллу – А и АХІ – найдены не только на близко соседствующем с Бейкушем поселении Большая Черноморка II, где они датируются второй половиной VI в. до н.э. [51, с. 41-42], но и обнаружены в достаточном количестве в слоях конца VII – конца VI вв. до н.э. на Березани¹. При этом, весьма существенно, что результаты геоморфологических исследований свидетельствуют о том, что нынешний остров Березань, расположенный от Бейкуша всего в нескольких километрах, соединялся с побережьем не только в архаическую и классическую эпоху, но и позже был частью полуострова [106, с. 62]. Это, в свою очередь, позволяет не только предположить существование единого, причём самого раннего в Северном Причерноморье, культового комплекса Ахилла (Березань – Бейкуш – Бо-

¹ Личное сообщение В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной Академии наук Украины в 2004-2015 гг.

льшая Черноморка II), но и выделить в становлении культа Ахилла в Северном Причерноморье самый ранний этап – от конца VII до конца VI – начала V в. до н.э., когда Бейкушское святилище прекратило своё существование. Для сравнения – в Ольвии найдено лишь около 10 граффити с посвящениями Ахиллу, причём V в. до н.э. [67, с. 77]

Святилище Ахилла на Левке, не имеющее основательно доказанных связей его культа здесь со змеями, очевидно, сформировалось позже Бейкушского – самые ранние два граффити здесь, связываемые с культом Ахилла (но не имеющие даже сокращённого его имени!), датируются второй половиной – концом VI в. до н.э. [52, с. 527; 54, с. 54, 56 рис. 14-18 и 14-25]. Кроме того, отправление культа Ахилла на Бейкуше и Левке заметно отличалось по форме. Тем не менее, С.Б. Охотников и А.С. Островерхов – авторы основных исследований на Левке, считают, даже не анализируя широко индоевропейские параллели и приводя только некоторые скифские аналогии: «Культ Ахилла-бога и Ахилла-героя имел на острове Левке сложный синкретический характер. Это было божество, впитавшее в себя черты догреческого бога смерти «пра-Ахилла» и гомеровского героя Ахилла. На образ и культ Ахилла значительное влияние оказали местные верования и обряды. Это было божество, соответствующее трём природным стихиям и трём уровням мироздания» [54, с. 70-102]. Но только знаковые открытия на Бейкуше позволяют значительно расширить представления о характере и размерах местного влияния на архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье.

Выводы:

1) наиболее ранние археологические свидетельства поклонения Ахиллу в Северном Причерноморье, датируемые концом VII – началом VI вв. до н.э., связаны с достаточно вероятным культовым комплексом Ахилла в Нижнем Побужье, объединяющим Березань, Бейкуш и Большую Черноморку II;

2) следует выделить в развитии культа Ахилла в Северном Причерноморье особый и самый ранний этап: конец VII – на-

чало VI вв. до н.э., что подчёркивается неповторимостью в дальнейшем в других местах «змеиных» черт отправления культа Ахилла на Бейкуше;

3) мнение о милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье представляется несостоятельным – в Милете (как и в Ионии в целом) развитый культ Ахилла не подтверждается ни древними источниками, ни данными археологии;

4) решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) практически непрерывно, начиная с IV тысячелетия до н.э., АХИ-Змея – перво-Предка и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоусов А.В. Новая книга о культе Ахилла в Северном Причерноморье / А.В. Белоусов // Вестник древней истории. – 2009. – № 4. – С. 221-228.
2. Блаватская Т.В. Западно-понтийские города в VII-I вв. до н.э. / Т.В. Блаватская. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 264 с.
3. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII-V вв. до н.э.) / В.Д. Блаватский // Советская археология. – 1964. – № 2. – С. 13-26.
4. Болтенко М.Ф. Herodoteana / М.Ф. Болтенко // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 4. – Одесса, 1962. – С. 16-32.
5. Буйских С.Б. Исследования Бейкушского поселения / С.Б. Буйских // Археологические открытия 1985 г. – М.: Наука, 1987. – С. 312-313.
6. Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) / С.Б. Буйских // Херсонесский сборник. – Вып. XI. – Севастополь, 2005. – С. 34-43.
7. Буйських С. Культіві комплекси, обряди та інвентар бейкушського святилища Ахілла / С. Буйських // Наукові студії / Історико-краєзнавчий музей м. Винники. – Вип. 5. – Львів, 2012. – С. 97-105.
8. Буйських С.Б. Ольвія та Березань в контексті заснування іонійського колоніального поліса в Нижньому Побужжі / С.Б. Буйських // Музейний вісник: науково-теоретичний щорічник. – № 12. – Запоріжжя, 2012. – С. 53-63.
9. Буйских С.Б. Святилище Ахилла на ольвийской хоре архаического времени / С.Б. Буйских // Οι Ελληνες στη Μαυρή Θάλασσα. Διεθνές Αρχαιολογικό Συνέδριο. Θεσσαλονίκη. 7-10 μαρτου 1996. Αίθουσα συνεδρίων «Εταιρείας Μακεδονικισπουδων». – Υπουργείο πολιτισμου, 1996. – Σ. 33-34.
10. Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье / Ю.Г. Виноградов // Античная Греция. – Т. I. – М.,

1983. – С. 366-420.

11. Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Тбилиси, 1984.

12. Гимбутас М. Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы / Мария Гимбутас / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2006. – 572 с.

13. Голан А. Миф и символ / А. Голан. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.

14. Доманский Я.В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. / Я.В. Доманский // Скифо-сарматское время. Археологический сборник. – Вып. 2. – Л., 1981. – С. 28-44.

15. Доманский Я.В. Из истории Нижнего Побужья во второй половине VII-I вв. до н.э. (Березань, Ольвия, ольвийская округа) / Я.В. Доманский, Л.В. Копейкина, К.К. Марченко // Проблемы археологии. – Вып. 2. – Л., 1978. – С. 72-79.

16. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль / пер. с фр. Т.В. Цивьян. – М.: ГРВЛ «Наука», 1986. – 234 с.

17. Збеневич В.Г. Дракон в изобразительной традиции культуры Кукутени-Триполье / В.Г. Збеневич // Духовная культура древних обществ. – К., 1991. – С. 20-34.

18. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи / Сергей Александрович Жебелев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 388 с.

19. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история / Аскольд Игоревич Иванчик. – М.-Берлин: Палеограф, 2005. – 312 с.

20. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (b – ʒ) / Владислав Маркович Иллич-Свитыч. – М., 2009.

21. Кембриджская история древнего мира. – Т. III. Часть 3: Расширение греческого мира VIII-VI века до н.э. / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 2007. – 653 с.

22. Клейн Л.С. Анатомия «Илиады» / Л.С. Клейн. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 560 с.

23. Клёсов А.А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии) / А.А. Клёсов, А.А. Тюняев. – М.: Белые альвы, 2010. – 1024 с.

24. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова-Гракова // Материалы Института археологии СССР. – № 46. – 1955. – С. 118-119, 123.

25. Крыжицкий С.Д. Сельская округа Ольвии / С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, А.В. Бураков, В.М. Отрешко. – К.: Наукова думка, 1989. – 240 с.

26. Крыжицкий С.Д. К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах причерноморских греков / С.Д. Крыжицкий, К.К. Марченко // Боспорский феномен. – 2001. – Ч. 1. – С. 33-36.

27. Крыкин С.М. Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья / С.М. Крыкин // Thracia. 8. Academia Litteratum Bulgarica. – Serdicae, 1988. – С. 55-83.

28. Курбатов А.А. Ольвийские формы культа Ахилла (к истории полисной идеологии) / А.А. Курбатов // Проблемы истории античной гражданской общины. – М., 1982. – С. 81-97.

29. Лазаренко В.Г. Дневник разведки Николаевской группы Одесского археологического общества по берегам рек Ингул и Сагайдак / В.Г. Лазаренко // Личный архив В.И. Никитина (г. Николаев, Украина).

30. Лазаренко В.Г. Култ Ахилла как отражение процессов формирования индоевропейской общности в Северном Причерноморье / В.Г. Лазаренко // Материалы III Міжнарод. наук.-практ. конф. «Архасівські читання». – Миколаїв: МНУ ім. В. Сухомлинського, 2013. – С. 61-64.

31. Лазаренко В.Г. Култ Ахилла, «Старая Скифия» Геродота и Боспор / В.Г. Лазаренко // Материалы Международ. конф. «Боспорские чтения»: «Боспор Киммерийский и варварский мир. Актуальные проблемы хронологии». – Керчь, 2014. – С. 252-257.

32. Лазаренко В.Г. Образ Змея и архаический култ Ахилла в Северном Причерноморье / В.Г. Лазаренко // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. – Т. VII. – СПб., 2015. – С. 30-57.

33. Лазаренко В.Г. Семантика изображений змей и следов человеческих стоп в Северном Причерноморье эпохи бронзы / В.Г. Лазаренко // Материалы Міжнародної наукової конференції «Проблеми вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи)» / Національний історико-археологічний заповідник «Кам'яна могила». – Запоріжжя: Дике Поле, 2015. – С. 59-70.

34. Латышев В.В. Култ Ахилла на Белом острове под покровительством Ольвиополитов / В.В. Латышев // О государственном строе города Ольвии // Журнал Министерства народного просвещения (СПб). – 1887. – февраль. – С. 52-54.

35. Лейпунська Н.О. Про култ Ахилла в Північному Причорномор'ї / Н.О. Лейпунська // Археологія. – 1970. – № 23. – С. 60-73.

36. Ликофрон. Александра / Пер. с древнегр. И.Е. Сурикова // Вестник древней истории. – 2011. – № 2. – Ст. 447-1474.

37. Ляшко С.Н. К вопросу о семантике орнамента на сосудах из погребений ямной культуры / С.Н. Ляшко // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. – К., 1987. – С. 54-58.

38. Маковский М.М. Индоевропейская этимология: предмет – методы – практика / Марк Михайлович Маковский. – М.: URSS, 2009. – 352 с.

39. Маковский М.М. Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков / Марк Михайлович Маковский. Изд-е 3-е. – М.: URSS, 2012.

40. Маковский М.М. Семиотика языческих культов / Марк Михайлович Маковский // В кн.: Язык как феномен: Избранные статьи по общему языкознанию, лингвокультурологии, германистике, топонимике и грамматике – М.: Ленанд, 2014.

41. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов / Марк Михайлович Маковский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 416 с.

42. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие / Марк Михайлович Маковский. Изд-е 4-е. – М.: Либроком, 2012. – 280 с.

43. Маковский М.М. Язык как феномен: Избранные статьи по общему языкознанию, лингвокультурологии, германистике, топонимике и грамматике / Марк Михайлович Маковский. – М.: Ленанд, 2014. – 264 с.

44. Маковский М.М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов / Марк Михайлович Маковский. Изд-е 2-е. – М.: Ленанд, 2014. – 320 с.

45. Марченко К.К. Лепная керамика / К.К. Марченко // Культура населения Ольвии и её округа в архаическое время. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 104-116.

46. Марченко К.К. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII-I вв. до н.э. /

- К.К. Марченко // Вестник древней истории. – 1974. – № 2. – С. 149-161.
47. Мельник В.И. Особые виды погребений каткомной общности / В.И. Мельник. – М.: Наука, 1991. – 136 с.
48. Мельничук И.В. Изображение змеи в Триполье / И.В. Мельничук // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. – Кишинев, 1990. – С. 39-46.
49. Михайлов Б.Д. Скульптура головы вешапа в гроте Каменной Могилы / Б.Д. Михайлов // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Т. III. – Запорожье, 1992. – С. 99-105.
50. Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. / И.Т. Никулицэ. – Кишинёв: Изд-во «Штеница», 1987. – 270 с.
51. Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. / В.М. Отрешко // Некоторые вопросы археологии Украины: сборник статей. – К.: Вища школа, 1977. – С. 40-44.
52. Островерхов А.С. Остров Левке (древнегреческое святилище на острове Змеином) / А.С. Островерхов, С.Б. Охотников // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) / Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова. – Одесса: Одесский археологический музей, СМИЛ, 2013. – С. 523-542.
53. Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI-V вв. до н.э. / С.Б. Охотников. – К.: Наукова думка, 1990. – 88 с.
54. Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) / А.С. Островерхов, С.Б. Охотников. – К.: Наукова думка, 1993. – 140 с.
55. Павсаний. Описание Эллады. Т. I / Пер. с древнегр. С.П. Кондратьева. – М., 1994.
56. Павсаний. Описание Эллады. Т. II / Пер. с древнегр. С.П. Кондратьева. – М., 1994.
57. Парфений. О любовных страстях / Пер. с древнегр. и комм. В.Н. Ярхо // Вестник древней истории. – 1992. – № 2.
58. Погожева А.П. Антропоморфная пластика Триполья / А.П. Погожева. – Новосибирск: Наука, 1983. – 143 с.
59. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / В. Порциг / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. – М.: URSS, 2003. – 332 с.
60. Протасова С.И. История древнего мира в построении Эд. Мейера / С.И. Протасова // Вестник древней истории. – 1938. – № 3. – С. 298-313.
61. Пятыхшева Н.В. К вопросу об интерпретации группы скульптур из Том / Н.В. Пятыхшева // Тезисы докладов конференции «Вестника древней истории». – М., 1972. – С. 54-56.
62. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры / Д.С. Раевский. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1985. – 256 с.
63. Ростовцев М.И. Новая книга о Белом острове / М.И. Ростовцев // Известия императорской археологической комиссии. – Петроград, 1918. – Вып. 65. – С. 177-197.
64. Русяева А.С. Ахилл, Скифской земли владыка! / Анна Станиславовна Русяева // Ранній залізний вік Європи. – К.-Чигирин, 2007. – С. 128-129.
65. Русяева А.С. Бейкушське поселення V-IV ст. до н.е. / Анна Станіславівна Русяєва // Матеріали XIII конференції інституту археології АН УРСР 1968 р. – К., 1972. – С. 220-222.
66. Русяева А.С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье / Анна Станиславовна Русяева // Скифский мир. – К.: Наукова думка, 1975. – С. 174-185.
67. Русяева А.С. Граффити Ольвии Понтийской / Анна Станиславовна Русяева. – Симферополь: БФ «Деметра», 2010. – 288 с.
68. Русяева А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII-V ст. до н.е. / Анна Станіславівна Русяєва // Археологія. – 1979. – № 30. – С. 3-18.
69. Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени / Анна Станиславовна Русяева. – К.: Наукова думка, 1979. – 172 с.
70. Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации / Анна Станиславовна Русяева // Обряды и верования древнего населения Украины. – К.: Наукова думка, 1990. – С. 40-61.
71. Русяева А.С. Культіві предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань / Анна Станіславівна Русяєва // Археологія. – 1971. – № 2. – С. 22-29.
72. Русяева А.С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии / Анна Станиславовна Русяева // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 146-150.
73. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии / Анна Станиславовна Русяева. – К.: Наукова думка, 1992. – 253 с.
74. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху / Анна Станиславовна Русяева. – К.: Стило, 2005. – 560 с.
75. Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте / И.И. Толстой. – Петроград: 2-я госуд. типография, 1918. – 164 с.
76. Топоров В.Н. Об архаическом слое в образе Ахилла / В.Н. Топоров // Образ-смысл в античной культуре. – М.: Гос. музей изобр. искусств им. А.С. Пушкина, 1990. – С. 64-95.
77. Топоров В.Н. К реконструкции «прото-Ахилла» / В.Н. Топоров // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. – М., 1986. – С. 25-37.
78. Трубочев О.Н. Indoagica в Северном Причерноморье / О.Н. Трубочев. – М.: Наука, 1999. – 320 с.
79. Уваров А.С. Исследования о древностях южной России и берегов Чёрного моря / А.С. Уваров. – СПб., 1851. – Вып. 1.
80. Хаммонд Н. История Древней Греции / Н. Хаммонд / Пер. с англ. – М.: Центполиграф, 2003. – 703 с.
81. Хирст Дж. Ольвийские культы / Дж. Хирст / Пер. с англ. П.В. Латышева // Известия императорской археологической комиссии. – 1908. – Вып. 27. – С. 75-144.
82. Хоммель Х. Ахилл-бог / Х. Хоммель / Пер. с нем. // Вестник древней истории. – 1981. – № 1. – С. 53-76.
83. Шапошникова О.Г. Из работ Ингульской экспедиции / О.Г. Шапошникова, В.И. Неприна // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 19-22.
84. Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) / О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, Н.Д. Довженко. – К.: Наукова думка, 1986. – 159 с.
85. Шапошникова О.Г. Археологические разведки по берегам Ингула / О.Г. Шапошникова, И.Н. Шарфугдинова, С.В. Смирнов, В.И. Никитин // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг.: Информационные сообщения. – К., 1967. – С. 200-204.
86. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.) / Игорь Юрьевич Шауб. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 484 с.

87. Шауб И.Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI-IV вв. до н.э.) / Игорь Юрьевич Шауб: автореф. дис... д-ра ист. наук. – СПб., 2009.
88. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история / О. Шрадер / Пер. с нем. Изд-е 2-е. – М.: URSS, 2003. – 496 с.
89. Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII-III вв. до н.э. / В.П. Яйленко. – М.: Onebook.ru, 2013. – 348 с.
90. Bilabel F. Die Ionische kolonization / F. Bilabel. – Leipzig, 1920.
91. Bujskikh S. Der Achilleus-Kult und griechische Kolonisation des Unteren Bug-Gebiets / S. Bujskikh // Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux dans la région nord-pontique: origins et développement d'une région politique, économique et culturelle (VIIe s.a.C – IIIe s.p.C.). – Bordeaux, 2002. – P. 86-89.
92. Cojocaru V. Neues über den Achilleuskult im Nordwesten Schwarzmeerraum / V. Cojocaru // Tyras. Cetatea Alba / Belhorod-Dnistrovskij. I. Săpături 1996-1999. – București, 2002. – P. 199-205.
93. Danoff C.M. Pontos Euxeinos / C.M. Danoff. – Suppl. Bd. 9. – 1962.
94. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien / N. Ehrhardt. – Frankfurt am Main, Bern; New York, 1983.
95. Hedreen G. The Cult of Achilles in the Euxine / G. Hedreen // Hesperia. – 1991. – № 60. – P. 313-330.
96. Hooker J.T. The cult of Achilles / J.T. Hooker // Rheinisches Museum for Philologie. NF 131/1. – Frankfurt, 1988. – P. 1-7.
97. Guzmán M.O. Orígenes y desarrollo del culto de Aquiles en la Antigüedad: Recogida y análisis de Fuentes / M.O. Guzmán: Tesis Doctoral. – Universitat Autònoma de Barcelona, 2004.
98. Farnell L.R. Greek hero cults and ideas of immortality / L.R. Farnell. – Oxford, 1921.
99. Köehler H.K.E. Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin / H.K.E. Köehler // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences. St. Petersbourg. – T. X. – 1828. – P. 531-819.
100. Lindisch F.W. De rebus Olbiopolitarum / F.W. Lindisch. – Halis Saxonum, 1888.
101. Meyer Ed. Geschichte des Altertums, II / Ed. Meyer. – Stuttgart-B., 1893.
102. Rohde E. Seelenkult und Unterbleichkeitsglaube der Griechen. B. II. Psyche. – Leipzig und Tübingen, 1898.
103. Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie / W.H. Roscher. – Bd. I. Leipzig, 1884. – Col. 51-58.
104. Thordarson F. Die Ferse des Achilles – ein skythisches Motiv? / F. Thordarson // Symbolae Osloensis. – 1972. – S. 109-124.
105. Tuit K. Achilles and the Caucasus / K. Tuit // Journal of Indo-European studies. – 1998. – Vol. 26. – № 3-4. – P. 289-343.
106. Vinogradov Y.G. Olbia. Eine altgriechische Stadt im nördwestlichen Schwarzmeerraum / Y.G. Vinogradov, S.D. Kryžickij. – Leiden, New York, Köln, 1995. (Mnemozyne. Suppl. Bd. 149).

Лазаренко Владимир К дискуссии о происхождении архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье

Показано, что мнение о милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье необоснованно. Решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) АХИ-Змея – перво-Предка практически непрерывно, начиная с III тысячелетия до н.э.

Ключевые слова: Ахилл, культ, Северное Причерноморье, змеи, индоевропейская общность

Лазаренко Володимир До дискусії про походження архаїчного культу Ахілла у Північному Причорномор'ї

Показано, що думка про мілетське (грецьке) походження культу Ахілла у Північному Причорномор'ї необгрунтована. Вирішальним фактором формування архаїчного культу Ахілла у Північному Причорномор'ї на початковому етапі є зустріч колоністів з потужним ідеологічним феноменом – шануванням місцевими племенами (реликтовими ариями і, ймовірно, фракійцями) АХІ-Змія – першо-предка, практично безперервно, починаючи з III тисячоліття до н.е.

Ключові слова: Ахілл, культ, Північне Причорномор'я, змії, індоевропейська спільнота

Lazarenko Vladimir To Discussion on the Origin of Archaic Cults Achilles in the Northern Black Sea Region

It is shown that the idea about Milesian (Greek) origin the cult of Achilles in the Northern Black Sea region is unreasonable. The key factor of the archaic cult of Achill's formation in Northern Black Sea region on the initial phase was the meeting of colonists with a powerful ideological phenomenon – honoring by local tribes (relict arias and probably Thracians) an AXI the Snake – primal forefather, almost continuously, since the III millennium BC.

Key words: Achill, cult, Northern Black Sea region, snake, Indo-European community

Рецензенти:

Буйських А.В., д.і.н., ст. наук. співр.

Гаврилюк Н.А., д.і.н., професор

Надійшла до редакції 01.03.2016 р.